

ДАНИЛА ДОДОНОВ
ЭПИЛОГЕТИКА

ПОВЕСТИ

18+

Данила Додонов

Эпиглотика

«Автор»

2026

Додонов Д.

Эпилогетика / Д. Додонов — «Автор», 2026

Солнечная система. Планета Земля. Далёкие земли уже на тот момент трижды колонизованной и вновь освобождённой Антарктиды. Стоял морозный январь 3026 года от Р.Х. (Реформы Хозяйства). На небольшой ферме далёкого потомка испанских колонистов снова паника: банда «кабанов» захватила последний амбар и чинит оттуда козни пожилому фермеру и всей его семье из десяти человек. В стремлении «не утонуть» в судебных тяжбах им приходится прибегнуть к крайним мерам. Отряд из пятидесяти пяти духов-лазутчиков, в числе которых легендарные герои Последней Войны, прежде охранявшие славный городок Гусь-Акриловый, отправляется в плавание за пятьдесят морей, чтобы вступить в финальную битву между добром и злом, «кабанами» и «стукачами» — то ли крысами, то ли антропоморфными дятлами, скрывающими свою истинную сущность. Слух о приближающейся катастрофе планетарного масштаба доносится до местных властей. Над простыми жителями нависает дамоклов меч. Эта аннотация не имеет ничего общего с содержанием книги.

© Додонов Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Буква-брюква	7
Кол.	8
Замечание №1. Один день из жизни безликого одноклассника	15
Неуд.	17
Замечание №2. Дайте нам денег побольше	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Данила Додонов

Эпилогетика

Предисловие

В это место я попал совершенно случайно, когда проходил мимо своего сознания. Это важно: не внутри него, не им самим или как-то ещё, а именно что *мимо*. Я часто применяю этот способ жить и мыслить, так как он наталкивает на идеи. В коридоре сознания, справа от себя, я увидел небольшую, но от того не менее бесконечно высокую дверь. Обхватив её каменную ручку, выполненную в форме головы неведомого мне млекопитающего, я приоткрыл её, и передо мной возникло удивительно знакомое помещение.

Освещение — как будто квадратное отверстие, через которое видно светлое небо, но нельзя так назвать его наверняка; под ним, на высокой шероховатой каменной плите, сидит жук, совсем маленький, как пятнышко краски, без лапок, зато с длинными усами, и совершенно не шевелится, из-за чего я даже сначала не понял, что это жук. Пожалуй, на пятнышко краски он смахивал в большей степени. Вглядываясь в его крохотное тельце, я задумался о том, что он будет находиться здесь, в этом пространстве за дверью, до тех пор, пока величественное здание из красного кирпича, известное нам как «Стеклянный Зиккурат», не будет разрушено извне, и до этих пор всякий входящий будет видеть жука, но не всякий распознает в этом пятнышке живое существо.

Внутренние процессы этого зверя известны лишь ему одному... Но давайте пофантазируем. Откуда он получает питание? Наверное, с «неба». Как он дышит? Наверное, лёгкими (не тяжёлыми же). Но ведь он совсем как пятнышко, как песчинка, где там взяться полноценным лёгким? К тому же, ему зачем-то нужны длинные усы — тонкие, как конский волос, несравненно тоньше моего левого мизинца. Положим, эти усы — вся его связь со внешним миром, ведь, как мне известно, других органов чувств у него нет. Как у нас, людей, кроме глаз, ушей, ноздрей, языка, кожи и мозга нет больше ничего, чем мы можем познавать действительность, так же и у жука не было ничего, кроме усов.

Помещение состояло из неба и четырёх стен, каждая из стен — высокая каменная плита, а пола нет вовсе, потому что его заменяет бесконечно чёрное отверстие, уходящее в неизвестность, но чернота и неизвестность настолько густые, плотные, что на них вполне можно стоять ногами, что я и делаю. Исходя из той информации, что мы имеем на текущий момент, положим, что жук приполз именно оттуда, из неизвестности, и большая часть его жизни, а именно — миллионы, миллиарды, бесконечные бесконечности лет, что он поднимался по шершавой каменной плите вверх, прошла в полной черноте. Но когда он не так давно приполз к точке, где он увидел небо, где я его и наблюдал сейчас, тут-то он и потерял свои конечности — предположительно, жучьи лапки, и обратился просто в пятнышко краски, а связь с реальностью сохранил с помощью усов.

— *Гарьет Кроффорд. Шумер и Шумеры (1993)*

Перво-наперво, сразу обозначу. Несмотря на отчаянные попытки злопыхателей препятствовать изданию настоящего материала путём многочисленных судебных исков, нападок со стороны прессы, многих и многих эзотерических ритуалов, за которыми мне пришлось наблюдать из окон своей обители... Вот оно, издание, у вас в руках, буквально прошло через огонь, воду и медные трубы, чтобы добраться до бумаги, этой почти сухой, целлюлозной массы. И если вы читаете эти строки, значит вы разумный читатель, читатель с высоким уровнем критического мышления и глубоким пониманием реальности, что в наши годы жизненно необходимо.

Говоря о времени. В последние годы я заметил (и читатель вместе со мной, разумеется, тоже, он ведь столь же разумен, что и я) что с полок книжных магазинов и сельских библиотек пропали почти все книги про «кабанов», «летучих мышей», «змей» — то есть книги, которые иносказательно повествуют о нашей жизни в целом, а не о каких-то её отдельных частях. Да, остались книги про сновидения, про рабство, про основы основ и дополнения дополнений. Но наше глубинное, человеческое, совсем очевидное — где?! Люди, мы за этими бесконечными деталями реально потеряли суть. А за сутью — сущность.

Мы стали жертвами того, что некоторые из нас воспринимают как вселенский ужас, как экзистенциальный, бытийный мрак, мы совершенно потерялись в глубине необжитости и вязкости, мы стали как пресловутые жуки, что ползут по совершенно плоской бетонной поверхности и всё никак не могут ожить, потому что, кроме усов, которыми нам подразумевается изучать действительность, у нас не осталось почти что ничего... И эти люди учат нас жизни! Остановитесь на секундочку, и поймите, что вышеперечисленное — хаос — было навязано нам извне.

В этой связи, одна из первоочерёдных задач меня, как автора, — это знать, на какого «кабана», на какую «летучую мышь» или «змею» ты работаешь, как эта амфибия мыслит, на какой жерди в социальной иерархии она сидит, *что* побуждает её вставать каждый день по утрам. И вот, уже исходя из этого неисчислимого потока, автору нужно исполнить своё истинное предназначение. Взять всю волю в кулак, и вырвать, выцепить необходимое из бесформенной гущи, которую нас заставляют называть «вселенной», переработать этот материал, истинный источник которого — сознание, в человекочитаемый вид, перекроить, сшить это сперва лишь кажущееся неустроенным лоскутное одеяло — и подать к столу обжигаяще горячим блюдом, и чтобы блюдо дымилось от жара.

Не дайте себя обмануть. Безусловно всё проверяйте, ищите истины, ведь стоит один раз довериться, уснуть — как снова обратишься в пресловутого жука за дверью сознания.

— *Вильям Гало. Древний ближневосточный контекст
некоторых современных западных институтов (1996)*

Опуская второстепенное, следует также упомянуть, что работа над обеими повестями, составляющими настоящее издание, велась одновременно, даже синхронно; началась эта работа в октябре 2025 года в городе Москве и шла в большей степени именно там, но с большими перерывами; хорошее продвижение в написании текста было во время июньской поездки в Коломну (недалеко от этих мест происходят основные события повести «Днимые люди»). Окончательно же обе повести были дописаны и считаны в июле 2026 в рамках поездки в город Стамбул.

В чём-то повести схожи, в чём-то различны. Книжку эту впору называть не сборником, а диптихом; читайте и решайте для себя сами, какое из произведений вам ближе.

Буква-брюква

Всё уgomонится;
Как родилось из тишины,
Так в неё и обратится.
— *Мурасаки Сикибу*

Обратив взор к небу, не забывай смотреть под ноги.
— *Русская народная поговорка*

Считается, что существует некий медиум. Следует полагать, что медиум не только существует, но мы ещё и являемся его непосредственными участниками.
— *Фрэнсис Бэкон*

Слева — квадратненькое, впереди — фрактальное.
— *Древнеегипетская загадка*

Кол.

Есть вещи в жизни, которые приходится делать, потому что их *нужно* делать. Например, заправлять постель, несмотря на то, что её вечером вновь расправлять. Или надевать на себя одежду, которая будет сковывать движения (а без одежды, вроде бы, неприлично?). Или же писать книгу несмотря на то, что её никто не прочитает. Впрочем, это распространённое заблуждение, что книгу должен хоть кто-нибудь читать; книге достаточно всего лишь существовать, чтобы выполнять свою истинную функцию — то есть быть сгустком, эссенцией мыслечувств её создателя *вне* его мозга. Но это всё лирика и смещение фокуса с главного на второстепенное. Вот:

Описываемые далее события начались не иначе как в середине осени, в прошлом году. Минуту назад я сидел, а теперь хожу по комнате с жёлтыми обоями из стороны в сторону, почти что напевая: Буква... Брюква... Буква... Брюква...

Кажется, я собирался пойти в магазин. Пока иду, немного набросаю. Открываю, пишу.

Заголовок сочинения: «Буква-брюква».

Заголовок сочинения, как пишут классики (уточнить какие), не менее важен, чем его содержание. Иногда даже важнее, как в нашем случае, потому что является секретным ключом к его пониманию.

Да, пожалуй, ты прав. Из этого может выйти неплохое сочинение. А о чём оно может быть? Раз буква — наверно, про школьника. Буквы содержатся в букваре, а буквари читают школьники. Мол, придумал он новую букву и хочет убедить учительницу, что таковая существует... Но есть в этом некоторая натяжка, как будто бы сюжет сильно избит. Вроде как было что-то подобное у Драгунского, нет?

— Ну ты хотя бы попробуй.

— Хорошо, допустим...

Я бы хотел начать повествование с какого-то совершенно общего высказывания, чтобы задать сочинению настроение. Как в музыке вы исполняете первый аккорд, чтобы подружить слушателя с тональностью. Что это может быть?

Например, подведу так:

То, как вы высказываетесь о людях, многое может сказать о вас самих. Поэтому про этого школьника, кем бы он ни был, следует рассказать в хорошем ключе, чтобы обо мне читатели не подумали ничего такого плохого.

Хотя, будем честны: попытки заранее оправдать себя перед читателем наивны и неуместны, лучше обойтись без них. Хорошо, допустим, таких попыток не будет. Но всё равно, будь ты хоть трижды писатель, и так, и так столкнёшься с осуждением; причём в первую очередь не со стороны читателей — других людей, а со своим собственным. Увы, так случается почти всегда: автор со временем набирается нового жизненного опыта, меняет взгляды на жизнь, на написание текста, и вот, когда он взглянет на то, что писал какие-нибудь пару лет назад, то ужаснётся, потому что *это* будет ощущаться очень неловко, глупо, натянуто. Автор подумает про себя: «Как я мог такое написать? Самое главное, зачем вообще я писал *так*, писал *об этом*?» В общем, автору станет стыдно за самого себя. А человек со стороны, прочитавший тот же самый текст, вероятно, ничего такого особенного в нём не заметит; если, конечно, текст не написан из рук вон плохо. Потому что читатель не залезет в голову к автору, как бы ни старался; перед ним готовый текст, и этот готовый текст содержит мысли автора как бы в вакууме. Что написано пером — не вырубишь топором. Читатель оценивает текст невзирая на то, что думает о нём автор сразу после написания, через год, через два, через десять лет. А для автора, напротив, текст, оставаясь неизменным, эволюционирует, хотя на самом деле эволюционирует не текст, а восприятие его автором в контексте новых и новых обстоятельств.

В общем, это называют рефлексией. Извините, мне показалось важным об этом прежде упомянуть. Ну вот! А ведь я обещал не оправдываться перед читателем. Опять не получилось...

Ладно, спокойно. Хватит отвлекаться. Надо начать писать что-то *реально* относящееся к сюжету. Хотя бы крупными мазками. А потом уж как пойдёт. Итак...

Каким же был главный герой? Кажется, я хотел что-то написать про школьника. Хорошо. Школьник был самый обычный: он имел портфель, рубашку, букет цветов для учительницы, то есть не выделялся среди прочих таких же пятисот школьников у порога школы. Достаточно будет сказать, что он обладал атрибутами. С этого самого порога какие-то взрослые тётки о чём-то говорили, хотя все эти пустые слова не отложатся в памяти школьника, а потому — зачем они это делали? Чтобы просто говорить? Говорили бы у себя дома. Но ведь мне известно, что дома они у себя всегда молчали, а говорить начинали только ступив на территорию школы. Такой вот парадокс. Или же сознательное решение этих милых женщин. Одна тётка, что стояла по правую сторону, выглядела совсем несурзано: зачем-то сделала пёстрый татуаж бровей, совершенно ей неподходящий. Возможно, она подумала, что какой-нибудь первоклашка в неё влюбится, увидев её татуированные брови, и она наконец в пятьдесят лет выйдет замуж. Что ж, думал школьник, напрасно она это с собой сотворила; школьники не женятся, разве что цыганята. Но цыганята в школу не ходят, они бегают по грязи с другими цыганятами с палкой в руках за местными ободранными котами. А потом, конечно, женятся. Но и те — не на пятидесятилетних тётках, а на сверстницах, да ещё и часто не по своей воле.

Конечно, школьника посещали и другие мысли, в основном онтологического характера: где в данный момент находится его сознание, что им движет, почему он не помнит, как рождался, а если и помнит, то не когнитивное ли это искажение? Ещё, конечно, его мучило, почему небо серое, а не синее, хотя дождь не идёт. И почему про это серое небо некоторые взрослые говорят: «хмурое»? У неба ведь нет бровей, чтобы хмуриться. Школьник нахмурился, как будто это дало бы ему ответ на его вопрос, но подул ветер и стало прохладно. Ветер уносит мысли из головы. Мысли, ветер. Хмурое небо. Серое.

Посторонние звуки окружали школьника таким образом, что нельзя было наверняка сказать, где находится их источник. Конечно, люди, говорящие в микрофон, находились перед ним — спереди, но микрофон, в свою очередь, передавал звук по проводам, а где эти провода подключались к динамикам — никто не знал. Они ведь могли быть где угодно, а посмотреть не представлялось возможности, потому что не было видно. Зато хорошо были видны затылки других первоклашек, их родителей, а ещё вывеску над порогом школы, да и саму школу вполне было видно.

Школьник подумал: почему его портфель такой гружёный? Что в нём такого тяжёлого, неужели это учебники? Он не очень слушал, что тётенька с татуированными бровями говорила в микрофон, да и не слышал — микрофон не работал, но никто из её коллег не смел ей об этом сказать, чтобы не перебить, потому что тётенька была директрисой, и, разумеется, каждая из сотрудниц хотела выслужиться перед ней, а потому перебивать было некстати. Школьник это понимал, поэтому незаметно скрылся в толпе других школьников и решил всё-таки посмотреть, что лежит в его портфеле и нагружает его спину.

Снял тяжесть с себя. Открыл. Там лежали керамические кирпичи. Здесь читателя можно повести по двум тропинкам: по комической (превратить повествование в фарс, почти анекдот) или реалистической (обосновать ситуацию в рамках разумного). Положим, автор пошёл второй дорогой. Почему у школьника портфель может быть набит кирпичами? Потому что мать школьника занималась печным делом, делала заготовки дома, а потом приносила на работу. Господи, подумал школьник, неужели моя мама перепутала портфели? Далее мысли школьника от первого лица. Так что же она тогда понесла на работу? Букварь? Да это же кошмар какой-то! А если её уволят? Или того хуже — директор на работе отправит её на мясокомбинат в качестве сыря? Нет уж, так дело не пойдёт. И что же, теперь с линейки бежать к маме

на работу? С портфелем кирпичей? Но я же совсем маленький, я не добегу. Да и где мамина работа, помню смутно. Да, кажется, я бывал там однажды. Там пахло очень печкой, а ещё там было очень тепло, как в Сочи.

Знаете, ситуация, которая возникла с моим персонажем — школьником — на самом деле довольно тесно переплетена с моей собственной жизнью. Я вот думаю: наверно, всё сочинение можно построить на том, что пересекается с моей жизнью, но не всегда очевидным образом. Так вот, однажды в детстве, возвращаясь домой из школы, когда я был то ли в первом, то ли во втором классе, я обнаружил, что не взял с собой ключи от дома, а потому не смог бы туда попасть, потому что там никого не было. И я действительно прошагал через весь район, благо, я знал, где работала моя мама, и я к ней пришёл, заплаканный, и она дала мне свою связку ключей, чтобы я смог попасть в квартиру. На самом деле, довольно тёплое воспоминание; как думаете, следует ли моему герою поступить таким же образом, раз уж я сам так поступал в своё время?

— Даже не знаю. В этом будет ещё большая натяжка, чем в самом изначальном синопсисе, что, мол, этот школьник придумал букву-брюкву.

— Ну да, да. Значит надо его каким-то образом убедить в том, что ему идти к матери на работу не следует, иначе сочинение не получит должного развития.

— Эй, мальчик! Да, именно ты.

Кто это сказал? Мне вдруг послышалось, что меня кто-то позвал, но источник звука я определить не мог. Как будто со мной говорил воздух.

— Это не воздух, это автор этого сочинения. Слушай, мальчик, у меня к тебе есть одно дело.

Какое такое дело? Какого ещё сочинения?

— Ах, да... Сейчас объясню. Ты — школьник, герой моего сочинения, которое я пишу. У тебя есть портфель, цветы и все прочие атрибуты школьника. Я их описал немного ранее. Так вот, я думаю о том, как тебе следует дальше поступить, чтобы сочинение стало интереснее, чтобы оно ставило вопросы с подвывертом, так скажем...

А я сам не могу решить, по-твоему, как мне поступить?

— Нет, не можешь, потому что за каждое твоё действие, слово, да даже за твой характер ответственен один лишь я.

Ничего себе! Зачем же ты меня создал и не дал мне свободу воли? Я что, выходит, навеки заточён в теле этого школьника, стоящего на линейке?

— Пожалуй, ты действительно как-то жесток к нему.

— Но он же мой персонаж, это нормально, когда автор решает за персонажа?

А это кто такой?

— Где?

Ну, я же вижу, что здесь две чередующиеся прямые речи, как в диалоге. А раз у меня нет длинного тире перед моими словами, значит к нам присоединился кто-то третий.

— А, ты про это. Это я просто разговариваю сам с собой. Точнее сказать, рассуждаю о судьбе настоящего произведения, но в форме диалога; мне почему-то психологически более комфортно рассуждать именно представляя себе некоего оппонента.

То есть самого себя? А я тогда кто?

— Ты — персонаж.

Но я же могу быть и оппонентом.

— Только если мне этого захочется. Я автор, а не ты.

Всё-таки как-то это обидно. Ты ведь давно сам уже не школьник, ты университет закончил. Тебе не надо на линейках стоять и слушать какие-то непонятные слова, сказанные тётками в микрофон. А я, по твоей же вине, стою тут и слушаю их!

— Видишь, я тебе прописал некий внутренний конфликт. Что вот, мол, ты школьник, причём обрати внимание, что разумный не по годам и очень... осознанный, что ли, и ты возмущён обстоятельствами, в которых ты оказался, то бишь — линейкой.

Но почему я этими обстоятельствами возмущён? Вот, мои сверстники стоят себе нормально, им даже, кажется, весело.

— Им весело, потому что они не такие осознанные, как ты! А ты почти что гений, понимаешь? И можно всё произведение построить именно на этом. И буква-брюква, которую я обозначил в заглавии, привязать как-нибудь к твоей гениальности.

— Да, точняк! Типа, буква-брюква действительно существует, а все остальные об этом не знают, а ты знаешь, и это действительно по сюжету произведения настоящая буква, просто тебе никто не верит, потому что окружающие тебя люди не воспринимают тебя всерьёз.

— Потому что ты школьник.

Хорошо, допустим. Мне сейчас что делать?

— Ну ты постой пока здесь, как остальные школьники. Должно же в тебе быть что-то человеческое. Потерпи немного. Я сейчас постараюсь написать, что было дальше, чтобы эта линейка поскорее завершилась. Но не прям моментально, а через некоторое время, чтобы был хоть какой-то ритм в произведении.

Хорошо. Итак, тянулось время, я решил не идти к матери на работу, а просто выложил керамические кирпичи из рюкзака на асфальт, чтобы они меня не обременяли. Кто их возьмёт-то? Они тяжёлые. Потом отдам, как всё закончится. Линейка всё продолжалась и продолжалась, высказался каждый из присутствующих взрослых на пороге школы. Играли какие-то дешёвые фанфары. Потом нас всех, первоклассников, развели по классам, чтобы мы там познакомились со своими учителями.

Тогда я впервые увидел коридоры школы: старые, облезлые, длинные, как крокодил. Но я совсем не испугался, потому что дома у меня коридор был ничем не лучше, даже напротив. Интересно, как относились к этим коридорам мои соплеменники, с которыми мне учиться следующие одиннадцать лет? Интересно, они уже осознают этот временной период? А я? Для меня он значит что-то большее, чем просто какая-то цифра? Да, одиннадцать — это число, а не цифра, но я ведь только иду в первый класс, поэтому я этого ещё не знаю. Этому меня должна научить учительница, кстати, вот и она.

Учительница была жирная, морщинистая, лицо у неё было очень потное, потому что потоотделение у неё было особенно сильное, особенно на лице, а леопардовое платье ей было явно не по размеру, а на своих абсурдно высоких каблуках она смотрелась чрезвычайно комично. Я ещё подумал тогда: «И чему меня эта, несомненно, ботеровская, наделённая античной корпулентностью, рубенсовской фактурностью и барочной избыточностью, *suidae*-подобная, монументальная мадам собралась учить?» Было ясно, что ей лет сорок пять, и большую часть жизни она тяжело трудилась, может быть даже на заводе или на панели. В руках у неё был мятый листочек со списком класса, наполовину состоящего из детей мигрантов с непроизносимыми тройными и четверными именами (а-ля Назиров Сандахрор Нордибен Угли). Она внимательно проследила, чтобы нас в класс зашло ровно столько, сколько значилось в её списке. Каждого на входе она гладила своей сухой рукой по голове, чтобы не сбиться со счёта. Итак, я вошёл последний, двадцать девятый. Все уже почти что расселись по своим местам. А куда же садиться мне? Огляделся. Вот, в левом ряду, что у окна, последняя парта совершенно свободна. Я прошёл мимо одноклассников и сел на оставшееся место. У всех были соседи по парте, а моим соседом было пластиковое окошко, открытое на проветривание, из-за чего на меня слегка дул осенний ветерок.

На деревянной парте были рисунки, выполненные шариковой ручкой. Я попробовал растереть ручку пальцем, и чернила полностью переместились на него; тогда я потёр его ещё раз об парту, и чернильный след сполз обратно на парту. Мне показалось, что происходящее физи-

чески нереалистично, но то, что произошло далее, пошатнуло мою веру в природу реализма мира, в котором я обитаю. Впрочем, это ведь не настолько нереально, как, скажем, если бы чернильное пятно обратилось в бабочку и вылетело в окно?

Толстуха говорила какие-то слова, которые я пропускал мимо ушей. Даже так: каждое её слово влетало в моё правое ухо, проходило сквозь ушные каналы мимо мозга, не соприкасаясь с ним, затем выходило из левого и вылетало напрямик в открытое окно, где падало на землю от своей тяжести, и из этих слов под окном образовывалась вязкая кучка. Слова, слепленные вместе в кучу, превращались в некое повествование, которое, к моему счастью, я совершенно пропускал мимо ушей. Стоп. Пару предложений назад слова-таки проходили сквозь уши, а теперь — мимо? Ах, это были разные слова! Тогда ладно. Но дела это не меняет: зачем мне забивать свою голову какими-то глупостями? Пускай глупости слушают мои одноклассники. А я, пожалуй, буду наслаждаться осенью за окном.

Я не знаю, сколько прошло времени, потому что почти не ориентируюсь в нём. И у меня нет часов. Положим, прошло от сорока минут до нескольких дней. Я взглянул на цветы. Они завяли, лепестки с них опали. Значит, пару-то дней точно прошло. Значит, сегодня уже не первое сентября, и я нахожусь на одном из уроков в течение первой недели учёбы. Положим, сегодня четвёртое или пятое сентября, и сейчас в классе проходит урок... м-м... положим, чтения. Я прислушался. Учительница действительно что-то говорила.

— Итак, дети, — начала она, — кто какие буквы знает?

Некоторые мои одноклассники подняли руку. Кто-то поднял сразу две руки (это, по всей видимости, должно было значить, что он знает сразу две буквы). Вот, они назвали какие-то буквы. Потом руку поднял я.

— Говори, — разрешающе показала она на меня рукой.

— Марья Ивановна, — предположил я касательно её имени, — я знаю букву-брюкву.

— Вовочка, — предположила она о моём имени, и не угадала, — ты, наверное, шутишь. Нет никакой буквы-брюквы.

— Марья Ивановна, в самом деле, я, несмотря на возраст, превышаю вас в интеллектуальном развитии вдвое, а то и втрое. Более того, я скажу, что я состою в некотором родстве с автором этого произведения, так вот, он мне пару дней назад (или около того) сообщил, что версия вселенной, в которой мы пребываем, содержит в себе букву-брюкву как быть. Она в самом деле есть, вы не подумайте, что я вру.

— Вовочка! — взвизгнула она (и почему она вообще меня так называет, купчиха кустодиевская?). — Ты слишком много умничаешь. Сядь, пожалуйста, и слушай меня. Я — учительница, я получила профессиональное педагогическое образование, и мне плевать, в каком родстве ты состоишь с автором этого произведения. Ты — ребёнок, только вышедший из детского сада. Какое право ты имеешь со мной спорить о том, какие буквы есть, а каких нет? Какой стыд! Ты только пару дней в школе, а уже начал хулиганить.

Она отчитывала меня, как маленького. Впрочем, я действительно был маленьким, тем более по сравнению с ней. И аргументы её звучали убедительно, тем более для неразумных одноклассников, которые уставились на меня с недоверием. Конечно, тупицы. Учительницу-то вы будете охотнее слушать, чем своего сверстника, даже если он и правее. А я-то знаю, что я правее. Так ведь, автор?

— Конечно, ты прав. Твоя правота и её неправота — это как раз часть реализации моей задумки. Подобные конфликты добавляют повествованию жизни и двигают сюжет; первый акт всё-таки. Нужно строить фундамент арки вас обоих. Только здесь надо решить, ты её к концу убедишь или нет? А если убедишь, то как? Дай я пока подумаю, а ты позанимайся чем-нибудь...

Я сидел пару часов и ничего не испытывал, потому что был заточён в черноте документа. Ощущения не из приятных, напоминают мне пребывание в теле слепого земляного червяка.

Итак, мой автор вернулся к произведению, и в этот раз, под вечер, его название ему показалось несколько странным, а до этого казалось вполне логичным. Ну, это так, к слову. А я сидел на уроке и учил буквы. Выяснилось, что люди вокруг думают, что букв в русском алфавите тридцать три, а не тридцать четыре, и буквально все, в том числе учительница, убеждены, что после буквы «Б» идёт буква «В», а не «буква-брюква»; для меня, носителя истины, это казалось уморительным. Таким образом, я очутился в ситуации, когда мне нужно повторять за всеми — то есть говорить неправду — чтобы не сойти за дурака. Так прошёл урок.

На перемене ко мне подошёл одноклассник, кажется, его звали Дима Дмитриев. Он подошёл ко мне, ковыряясь в носу, и спросил:

— А почему ты в начале урока пытался убедить учительницу, что существует некая буква-брюква?

— Потому что она действительно существует, — отвечал я, закатив глаза. — Она идёт сразу после буквы «Б», но все вокруг старательно меня убеждают, будто её не бывает.

— Кто — все? — спросил Дима.

— Ну как же... Ладно, может, я преувеличил. Марья Ивановна меня в этом убеждала, ты и сам видел. Я склоняюсь к тому, что и ты, и прочие мои одноклассники считают аналогично.

— Что ж, — почесал затылок Дима, — я всего лишь первоклассник, у меня ещё не сложилось какое-то устойчивое мнение насчёт того, есть какая-то там буква или нет. У меня ведь мозг как пластилин в этом возрасте. Можно слепить из него всё что хочешь.

— Ты о чём? — заинтересовался я.

— А разве ты не понимаешь? Если твои доводы будут достаточно убедительными или ты будешь достаточно красноречив (что, в сущности, одно и то же, просто не все люди это понимают!), может, я и поверю в существование этой буквы-брюквы. И одноклассники тоже поверят. Просто сейчас авторитет жирной учительницы явно перевешивает авторитет умничающего первоклассника. У неё образование есть педагогическое, всё такое.

— Это ты верно подметил. Но авторитет автора произведения ведь должен быть ещё выше?

— Да, но... Автор ведь не имеет материального воплощения в нашем мире. Он ведь может наблюдать за нами только со стороны. Можно вообще сказать, что его не существует, и оказаться недалеко от истины.

— Как это — не существует?! А кто же тогда пишет твои слова?

— Ну... Например, я сам. Я сам по своей воле произношу свои слова и вписываю их таким образом в текст произведения.

— Ну да, как же. Ещё бы первоклассник умел так порядочно разговаривать. Да был бы ты настоящим первоклашкой, ты и двух слов связать бы не мог!

— А вот и мог бы! — перечил мне Дима. — И тем паче могу.

— «Тем паче»? — усмехнулся я. — Ну, в самом деле, какой первоклассник станет использовать в своей речи «тем паче»? Дореволюционный?

— А в каком, по-твоему, времени происходит наше произведение? — спросил меня Дима.

— Что ж, я не помню, чтобы были какие-то явные намёки на время повествования... Положим, наша реальность современна.

— Звучит логично. В таком случае, соглашусь, странно, что я употребил «тем паче» в своей речи. Первоклассники так не говорят.

Прозвенел звонок на урок. Мы с Димой зашли обратно в класс. Остальные ребята тоже зашли, но как-то искусственно, неестественно. Топорно. Будто бы притворно. Наверное, их характеры просто не были прописаны. Как будто кроме меня, Димы и Марьи Ивановны особенно никого и нет. Я подумал, может, попробовать самому их описать, пока автор отошёл по делам, вдруг у меня получится? А вы как считаете, читатель? Давайте я попробую, а вы потом

мне скажете, как у меня получилось. Допустим, одну из моих одноклассниц звали Лиза Смертянец. Это как бы будет аллюзия на реальную одноклассницу автора из его школьных лет, с очень созвучной фамилией. Когда он вернётся, думаю, он оценит остроумие.

Итак, Лиза Смертянец. Пускай она имеет вытянутое лицо, чёрные волосы, манеру разговаривать на всякие глупые темы, отвлекая всех от урока. Пускай она постоянно упоминает то, что любит ездить с родителями на дачу, даже если её об этом не просили. Она худая и любит животных, а на переменках играет в планшет. Вытянутое лицо, как будто доброе. Также отмечу, что занималась Лиза гимнастикой и танцами, как и многие девочки в первом классе, потому что туда их записывали их матери. Однако то, о чём никто не догадывался, так это то, что она была самой настоящей кровожадной убийцей. Она убивала каждый вечер: после школы караулила какого-нибудь дяденьку, бросалась на него с длинным кухонным ножом со спины и резала. Вот такая она была. У неё были две косички и юбка чуть ниже колена, на которой иногда можно было увидеть запечённые капельки крови. Жизнь Лизы Смертянец состояла наполовину из убийств, наполовину из школьных будней, что странно. Училась она неплохо, не хуже, чем убивала. Самое удивительное, что её никто не подозревал, хотя оно и было понятно: разве в череде убийств будет кто-то обращать внимание на девочку-первоклассницу?

Предположим, она была красивая, по крайней мере моему персонажу, имя которого до сих пор достоверно неизвестно, она нравилась. А Диме? Что ж, Диме я придумаю другую одноклассницу. Я у него спросил:

— Дима, я тут решил придумать нам одноклассников и одноклассниц, пока автор произведения отошёл по делам. Я себе уже придумал подружку — Лизу Смертянец, самый что ни на есть мой типаж. Думаю, ты б тоже хотел себе какую-нибудь подругу. Какую ты хочешь?

— Подругу? — задумался он. — Ну я даже не знаю... Конечно, я бы хотел себе читающую девочку, и ещё чтобы у неё было круглое лицо, но не толстое. И, наверно, пускай она носит колготки.

— Хорошо. А имя?

— Придумай сам. Мне, в принципе, не принципиально.

— Тогда её будут звать Аня Андросимова — аллюзия на бывшую однокурсницу автора. Пойдёт?

— В принципе, да...

— Пожалуйста. Вот она, перед тобой стоит.

Аня подошла к нам с Димой, поправляя волосы. Получилась самая обычная, на мой взгляд, девочка. Я даже не дал ей никаких ярких отличительных черт, типа того, чтобы она кого-то убивала. Она занималась вышиванием.

— Привет, мальчики, — поздоровалась она с нами. — Меня Аня зовут, а вас как?

— Привет, Аня, а меня Дима зовут, — робко сказал Дима.

— А я ещё пока не знаю, как меня зовут, — отвечал я, — но толстожопая учительница называет меня Вовочка. Так как автор пока не придумал ничего умнее, думаю, Аня, можешь называть меня так.

— Хорошо, Вовочка, — ответила она. — А не ты ли тот мальчик, который ругался с учительницей насчёт существования буквы-брюквы?

— Да, — подтверждающе кивнул я, — потому что эта буква действительно существует.

— Я вернулся, — послышался голос откуда-то ниоткуда. — А это кто такие?

— О, привет снова. Знакомься: это Аня, а вон там, в толпе одноклассников, с кухонным ножом в руках — это Лиза.

— Постой. Я не помню, чтобы про них писал. Неужели ты сам их придумал?

— Да, извини, если поступил нехорошо, — начал я было оправдываться перед автором, — просто мне было скучно с одним лишь Димой. Поэтому я придумал нам с ним подружек,

для себя эмоциональную убийцу Лизу Смертянец, а ему — спокойную вышивальницу Аню Андросимову.

— Очень знакомые имена... У меня в начальной школе и в университете подобным образом звали девочек. Интересно, где они теперь?

— Да, я в курсе. Поэтому я решил ввести их в повествование именно с такими именами, с расчётом на то, что ты оценишь отсылку на свою жизнь.

— Пожалуй. Но знаешь, придумать персонажа — это одно, а решить, какую роль он сыграет в сюжете — это же совсем другое дело. Сейчас мне Лиза и Аня кажутся какими-то невзрачными, что ли. Да, у каждой из них есть «изюминка», но этого не вполне достаточно; чеховское ружьё должно выстрелить. Скажем, раз Лиза убийца, пускай она к концу произведения кого-нибудь убьёт.

— Хоть бы не меня! — взмолился Дима. — Это будет очень жалкая смерть, помереть от руки первоклассницы!

— Я бы тоже этого не хотел, — заметил главный герой. — Кстати, когда ты придумаешь мне имя?

— Твою мать! Я совсем забыл, что тебя надо как-то назвать. А то — школьник, школьник. Главный герой. Ну, пускай тебя будут звать Давид Ильич Цукерман.

— Ни хрена себе! — заявил Давид. — С каких это пор я стал ортодоксальным еврейским мальчиком?

— С тех, — посмеивался автор, — что это довольно забавно. Я не давал тебе никаких еврейских черт, а у тебя такое характерное еврейское имя. И ты ещё с таким именем будешь с учительницей ругаться.

— Давид, Дима, Аня! — перебила нас Марья Ивановна. — А ну прекратите болтать, урок уже как две минуты начался!

Мне не очень понравилось имя Давид, но я с ним быстро смирился. Как будто у меня был выбор. Начался урок чтения. Учительница решила, что раз мы уже на прошлом занятии разобрали все существующие буквы, то мы можем уже начать читать. Дура наивная: с какой, по её мнению, скоростью читают первоклассники? Тем более знакомые с буквами лишь пару дней.

Замечание №1. Один день из жизни безликого одноклассника

Безликий одноклассник буквально не имел лица, также мозга и много чего ещё. Тем не менее, у него была живая мама, бабушка, а ещё был живой папа, который пил живое пиво и за плохие оценки вполне себе живо хлестал его ремнём по его безликой попе, отчего одноклассник изо дня в день был крайне огорчён и обеспокоен за свою жизнь.

Каждое утро безликий одноклассник вставал около шести утра. Заправлял постель, делал зарядку под песню Высоцкого (каждый раз разную, причём **никогда** это не была «Утренняя гимнастика», обычно это были неизвестно кем и когда записанные на магнитофон матерные частушки, лишь отдалённо напоминающие песни Высоцкого). Затем шёл чистить отсутствующие на лице, как и само лицо, зубы, и шёл пить чай. На кухне, конечно, уже сидели мама и папа и недоумевали: зачем родили такого бестолкового ребёнка.

— Ну ты сам подумай, какая от этого сына польза? — возмущалась мама.

— Ну, почему обязательно польза? — отвечал папа, философски посасывая трубку. — Какая, например, польза от этой картины на стене?

— От этой картины очень большая польза!

Мама встала со стула и подошла к картине. На картине был очень живописно изображён армянский коньяк. Мама протянула руку внутрь картины, будто в портал, и вытащила из неё эту бутылку, теперь уже почти не отличимую от настоящей. Отец сразу улыбнулся, откинулся на спинку стула и стал быстро потирать руки в предвкушении. Утро задавалось доброе.

Безликий одноклассник закончил с завтраком, оделся в искусственную одежду и пошёл в школу. По дороге он выбросил мусор в мусоропровод, поиграл с кошкой (кстати, замечали? намного логичнее было бы писать «кошкЕй», а не «кошкОй»), побегал от собачки, извазюкал в чём-то искусственный портфель. Пришёл в школу за полчаса до первого урока, ровно так же, как и все остальные безликие одноклассники.

Все уроки безликий одноклассник отсидел прилежно. Задания учительницы он выполнял, хотя и с ошибками, но выполнял, проявлял интерес к учёбе и труду. Иногда он отвлекался и начинал считать ворон, но потом вновь переводил внимание на учительницу.

После третьего урока — на большой перемене — безликий одноклассник шёл в столовую. Если удавалось пробиться сквозь очередь, он брал себе комплексный обед (на тот момент ≈ 345 #) из четырёх блюд.

Потом он посещал ещё какое-то количество уроков, каждый раз разное, в зависимости от расписания. После уроков немного играл вместе с другими безликими одноклассниками в обычные детские игры. И, вероятно, именно эти игры дарили однокласснику надежду на лучшую жизнь.

Потом шёл домой, где половину вечера делал уроки, а другую половину — смотрел мультфильмы по телевизору или читал книжки. Потом ложился спать, и всё повторялось. С каждым днём, возможно, поднималось его настроение и улучшалось отношение к жизни. Ему искренне хотелось в это верить.

ВОПРОСЫ К ЧИТАТЕЛЮ.

1. Чем «безликий» одноклассник заслужил такую участь?
2. Почему автор резко прервал основное повествование и решил рассказать про судьбу безликого одноклассника?
3. Какой смысл задавать вопросы читателю, если тот всё равно не будет по-настоящему отвечать на них, а просто станет читать дальше или вообще закроет книгу и никогда к ней не вернётся?

Неуд.

На одном из бессмысленных уроков Давид уснул, и ему приснился престранный сон.

Во сне к Давиду на день рождения пришли гости, его одноклассники: две девочки и три мальчика. Угощение состояло из семи кусков бисквитного торта и пяти бутылок напитка «Байкал». Одна девочка съела два куска торта и выпила полторы бутылки воды «Байкал». А один из трёх мальчиков на спор выпил всю остальную воду и сказал, что мог бы ещё. Торт ребята не доели: остался один целый кусок и один надкусанный. После угощения ребята играли во «мнения» и в «балду». День рождения прошёл интересно и весело.

Когда же почти все разошлись, к Давиду подошла Лиза Смертянец. Она вручила ему небольшой целлофановый пакетик.

— Это тебе подарок, — сказала она смущённо, — с днём рождения, — и улыбнулась, смотря Давиду в глаза.

Давид вытащил из пакетика небольшой электрический прибор из белой пластмассы.

— Что это? — спросил он.

— Это зарядка для батареек, — ответила Лиза, — я слышала, что тебе постоянно приходится покупать новые батарейки в контроллер твоей приставки... Теперь ты сможешь не покупать новые батарейки, а просто заряжать старые!

— Ты дура, что ли? — Давид хихикнул. — Это зарядное устройство для специальных батареек, аккумуляторных. Их отдельно покупать надо, они служат значительно меньше. А если сюда обычные вставить, то они взорвутся на хрен. Или чего-нибудь подобное случится.

— Прости, я не знала, — прежняя улыбка на лице Лизы быстро сменилась печалью.

— Да об этом все дети знают, — продолжал Давид, — как ты могла не знать? Есть батарейки одноразовые, а есть аккумуляторы. Они только выглядят похоже. А фактически — две большие разницы.

Пока Давид об этом говорил, Лиза уже ушла. Давиду не сразу, лишь через пару минут после её ухода, пришло осознание, что, возможно, это была не лучшая ситуация, в которой ему надо было высказывать свой ум, хотя он был и прав по формальным признакам. И ему стало очень стыдно. Проснулся Давид совершенно разбитый.

Не последним человеком в этой запутанной истории был местный дворник — дед Нахим, или, как его называли ребята по-простому — Нахимыч. Родом из Эфиопии, негроидной расы, старик был любимцем детворы за свой добрый характер. Вечерами, когда он кончал с работой — подметанием улиц — он бросал метлу, снимал фартук, садился на лавочку, и тут же его обступали ребята, и тогда Нахимыч им рассказывал заумные эфиопские сказки, какие сам знал из детства.

Дед, кроме своей врождённой способности рассказывать интересные истории детям, обладал таким метафизическим свойством, как полигенезис; заключалось оно в том, что он мог, оставаясь в сущности единым целым самым с собой, пребывать в нескольких независимых реальностях одновременно, таким образом сшивая их в единую реальность, но при всём при этом в обоих являясь единственным схожим звеном; он был как шов.

В тот момент, когда мои неразумные одноклассники и одноклассницы пытались что-нибудь прочитать в учебнике (детям были предложены тексты, в которых буквы и цифры являлись в сущности одним и тем же — так называемые *арифмалогосы*), Нахимыч как раз по обыкновению своему подметал под окнами школы. Тут он, разумеется, наткнулся на кучку, состоящую из слов учительницы, которые некоторое время назад выпали из моего левого уха через приоткрытое окно. Да, её гнусные слова невидимо материализовались, как-то слепились между собой и образовали консистенцию, которая, в свою очередь, являла своё физическое

присутствие как минимум тем, что отбрасывала почти незаметную тень, а как максимум — что в эту кучку можно было вступить и ощутить это вступление неиллюзорно, что и произошло с Нахимычем.

Сначала он не понял, что произошло. Для него было в новинку наблюдать, что его метла врезается в воздух, словно в желе. Он нагнулся, коснулся этой области пространства рукой. На ощупь слова были липкие, вязкие, очень противные, как сама учительница (здесь как бы аллюзия на то, что «плохой» человек выплёвывает из себя такие же «плохие» слова, возможно, следует в дальнейшем обыграть это так, что какой-нибудь «хороший» человек по сюжету образует «хорошую» кучку, с которой Нахимыч сможет её сравнить). Кучка пахла приторно, шанелью. Нахимыч сделал недовольное лицо и медленно поднял голову. Прищурившись, увидел приоткрытое окно на этаже, где я сидел, и сразу всё понял, что привело его в ярость. Бросил метлу рядом с этой самой незримой кучкой и побежал, как мог с поправкой на свои годы, в здание.

Я сидел и ковырял в носу, шёл какой-то там урок. Уроки почти не имели для меня значения, потому что есть вещи поважнее, скажем, трясогузки или всеобъемлющая Материя. Тут в дверь кто-то постучал. Марья Ивановна прекратила писать мелом закорючки на доске (а ведь действительно, если приглядеться к этим странным символам на доске, в них ведь нет никакого, поверьте мне, никакого смысла! Это были абсолютно произвольные фигуры, не имеющие ничего общего ни с одним школьным предметом и даже ни с одним известным науке языком) и глуповатой походкой подошла к двери. Открыла. На пороге стоял Нахимыч с очень недовольным выражением лица. Оглядел весь класс, увидел открытое окошко и тут, конечно, безумно устался в мои глаза. Медленно, напряжённо указал пальцем на меня.

— Вот он, негодяй! — вскрикнул он.

— Нахим Александрович, что произошло? — спросила удивлённая учительница. — Что натворил Давид?

— Я из-за этого семита, — отряхивался Нахимыч, — весь измазался в ваших, Марья Ивановна, словах. Вот, взгляните!

Нахимыч как бы провёл рукой по подошве своего ботинка, собрав невидимую, но очень липкую словесную консистенцию, а затем, сохраняя недовольный вид, предложил учительнице её потрогать и понюхать. В лице Нахимыча было не узнать того добродушного дворника, которым его видели ребята — он выглядел очень напряжённым и даже в каком-то смысле источал космический ужас, чем-то походя на всадника апокалипсиса; учительница прикоснулась своими пальцами к липкому комку и сразу изменилась в своём глупом лице. Ей он показался на ощупь чем-то навроде соплей, но совершенно невидимых. А запах от комка очень напоминал ей собственные духи. Тогда она, конечно, поняла, что к чему.

— Давид, ну-ка встань! — строго сказала мне она. Я встал.

— Марья Ивановна, ну чего сразу «Давид»?

— Не придуривайся, — отчитывала меня жируха, — вместо того, чтобы слушать урок, ты пропускал мои слова мимо ушей, и они все скапливались под окном.

— И из-за этого маленького хулигана, — поддакивал Нахимыч, — мне теперь башмаки отстирывать!

Ах, большое дело — башмаки! Мне бы теперь эти башмаки. Чёрные, блестящие, лакированные башмаки. А в тот день я терпеть их не мог, даже смотреть на них было неинтересно.

— Ну, всё было не совсем так, — отвечал я, — ваши слова всё-таки проходили сквозь мои уши, через оба уха сразу, просто они не касались мозга, а потому вылетали в окошко... Ну я ведь не специально!

Ну почему взрослые никак не могут понять простой житейской истины: если сделал что-нибудь не специально, то ты в этом не виноват! Но нет же, ругают, унижают, бьют ремнём.

— Давид, ты поступил некрасиво по отношению к нашему дворнику, — учительница жалобно взглянула в его сторону. — Всё-таки он трудится, работает не покладая рук, а ты ему такие липкие кучки устраиваешь. Ещё и урок невнимательно слушаешь.

— Марья Ивановна, я же не нарочно... Простите меня.

— Бог простит, — недовольно ворчал Нахимыч, — а ты, Давид, пойдёшь и сейчас же уберёшь за собой то, что из тебя навывлетало.

— К сожалению, тебе придётся, — вздохнула учительница, протирая очки, — нужно преподать тебе урок, что, мол, если нагадил... Надо за собой убираться, да. Ты ведь, скажем, если пролил дома суп, то, разумеется, его уберёшь. А школа — твой второй дом. А я тебе, считай, что вторая мама. А Нахимыч — второй папа, как в некоторых европейских странах. Теперь у тебя всего по двое.

Тут я почувствовал, что у меня выросла вторая пара ушей, ослиных. Я за них схватился... и они тут же исчезли. А Нахимыч подошёл к парте, за которой я сидел, больно схватил меня за ухо и поволок на выход из класса под громкий смех безликих одноклассников. Не смеялись только Дима, Лиза и Аня, потому что были живыми.

Пока шли, разговорились со стариком о природе Материи: являются ли слова не более чем отвердевшими звуковыми волнами, принявшими форму чего-то наподобие льда, или же представляют из себя какую-то иную структуру? А если так, то описана ли она в современной науке, или же представляет из себя художественный вымысел? А если же вымысел, имеет ли он под собой основу, как это обычно бывает в научной фантастике? Нахимыч не понимал трудных вопросов Давида (да, пожалуй, с этого момента можно вернуться к повествованию от третьего лица, чтобы дать автору больше воздуха), но он старался. Нахимычу Материя и время нужны были лишь для регулярных приключений в иных мирах (в основном — в мире водки), а вот способы их искривления были ему мало знакомы: семь классов образования и ранняя стадия старческого слабоумия сказались на его когнитивных способностях в настоящем. Давид же интересовался свойствами пространства, его проекцией из пятимерного в четырёхмерное, а также методами управления всеми этими вещами с детства, потому что так распорядился автор. Родители почти не участвовали в его образовании, потому что рассчитывали, что Давид будет иметь все необходимые знания (а именно те, что позволят ему развивать сюжет) и так, ведь их ему даст автор. Заметим, что это некорректно с педагогической точки зрения, но с логической, в рамках художественного произведения, в котором родителям главного героя известно, что их сын является не более чем литературным персонажем — вполне.

Давид на данный момент времени, уже более сформированный, чем в самом начале, приобрёл характерные для себя черты. Он стал носить пейсы и ермолку, а его...

— Ну это совсем бред, — перебил автора Давид.

Хорошо, хорошо, Давид. Разумеется, я просто хотел пошутить. Давид приобрёл характерные для себя черты, которые я описывать не буду, чтобы сильно его не обидеть, но их можно коротко описать как семитские, что бы это ни значило. Но внешность в нём не имела большого значения, значительно важнее было то, что за работой с метлой Давид приучал себя к труду — важному умению для юноши, о котором нынче забывают, без которого он вырос бы нахлебником.

Давид стал меняться. Труд облагораживает человека, но, более того, он, будто гончарный круг, придаёт бесформенной массе уверенную, чёткую форму. Давид становился, как персонаж, более ясным.

В какой-то момент ему даже понравилось заниматься подметанием школьного двора, хотя осень выдалась очень холодная, даже в холоде здесь, на свежем воздухе, было интереснее, чем в школе. Кажется, из-за ветра, но чувствовался уже этот особенный запах зимы, в каком-то смысле запах Нового года, праздника и счастья, приятных воспоминаний. Кучей лежали у тёмно-серого бордюра, покрытого трещинами, опавшие листья, совсем сухие, розово-жёл-

тые, через которые в некоторых местах было видно последнюю травку и участки голой чёрной земли, в которой когда-то тогда, летом, росли цветы. В местах, где по листьям регулярно проезжали автомобили, образовывалась коричневатая каша. Наклонилась старая осина; казалось, вот-вот да и упадёт и пришибёт кого-нибудь, но стояла устойчиво. Казалось удивительным, как ещё на ней осталось много листьев салатового оттенка, и останутся на ней они висеть, быть может, до самой настоящей зимы. Серое пасмурное небо восхищало своей красотой, своим шумом Перлина, и оно всюду просвечивало сквозь неисчисляемые фрактальные узоры голых веток.

Когда они закончили, Нахимыч положил руку на плечо Давиду и по-отечески посмотрел на него.

— Видишь, — сказал он, — как важно убираться. Посмотри, какая красота теперь вокруг.

— Вы правы, Нахим Саныч, — согласился Давид и взглянул на убранный двор.

Когда Давид вернулся в класс, к нему подступила учительница. Одноклассники, прежде безликие и безэмоциональные, смотрели на этих двоих почему-то с испугом. Училка одним только взглядом дала понять, что Давид, пока убирался на улице, пропустил достаточно много. Давид приобрёл вопросительное выражение на лице. Тогда Марья Ивановна начала объяснять, что пока его одноклассники учили новые буквы и почти что выучили весь алфавит, Давид всё это упустил, и потому ему придётся трудно в дальнейшей учёбе. Но он почему-то хитро улыбался. В его голове назревал план.

— Знаете, Марья Ивановна, — ухмыляясь произнёс Давид, — я думаю, что в учении букв я нуждаюсь едва ли... Ведь на данный момент мне известны все тридцать четыре буквы, включая ту, которой вы не знаете, а даже если знаете — то не верите.

— Ты про свою дурацкую букву-брюкву? — достала она розгу из-за спины, собираясь ударить Давида. Тот, быстро потеряв хитрую ухмылку на лице, испугался и выбежал из класса.

Давид, Дима, Лиза и Аня пошли после уроков в заведение «Белый огонёк», где предлагали детские вариации взрослых развлечений. Стояло оно на улице Московской, недалеко от школы, где ребята и учились. Давиду это место знакомо было не понаслышке — в девяностых на этом месте стояла шикарная синагога, в которую он ходил с родителями, пока она не закрылась из-за проблем с арендой помещения. Какое-то время здание пустовало, в нём начали собираться маргинальные личности, и они же вскоре открыли «Белый огонёк» — изначально для отмыва денег, а через пару лет он внезапно для хозяев начал приносить прибыль.

Лиза и Аня шли туда впервые, а потому даже не знали, чего ожидать от этого места. С мальчишками они были плохо знакомы, но живой женский интерес сподвиг их проследовать за двумя раздолбаями. Дима и Давид, в свою очередь, были завсегдатями. Они помнили времена, когда там было всё дорого. Нынче же там всё стало дешёво, потому что пришли новые, щедрые владельцы, и из-за этого заведение обанкротилось и закрылось. Об этом друзья прочитали на листочке, прибитом на запёртую дверь.

— И куда мы теперь пойдём? — грустно спросила Лиза. — Вы говорили, здесь будет весело и интересно, а тут закрыто...

— Да, что есть то есть, — покачивал головой Давид. — Очень обидно. Хотел было угостить всех детским пивом.

— А разве такое бывает? — поинтересовалась Аня, поправляя рукой волосы.

— Конечно бывает, — хлопнул её по заднице Дмитрий, — только сегодня мы его ни хрена не попробуем, потому что эти недоумки проиграли рынку... Хотели демпинг, а получился...

— Хренпинг, — подсказывал Давид.

— Ну да, — согласился Дима. — Зря они вообще ценовую политику меняли. Было достаточно следовать инфляции, и всего-то... У нас она не самая большая.

— Ладно вам, — приободряла друзей Лиза, — пойдёмте в таком случае ко мне в гости, пить чай с ватрушками.

— Неплохая идея! — поддержал её Давид, озираясь по сторонам, как идиот. — А с чем ватрушки?

— Разумеется, с ватой, — ответила она, и все засмеялись, потому что понимали, что это неправда (многие шутки на этом основаны).

Этот вечер Давид, Дима, Лиза и Аня провели невнятно. Хотя по последующим событиям ясно, что девочки в некотором смысле стали более тепло относиться к Диме и Давиду. Достоверно неизвестно, куда они пошли, что они там делали, сколько выпили, кто приставал к официантке, кто из них первый уснул и так далее, и так далее... Но вскоре будет ясно, что на следующий день они в том же составе вновь пошли в школу, совсем бодрые. Мне это непонятно до сих пор. Чёрт возьми, ну как???

Нахимыч был далеко не дурак... Он был человек иной касты. Хотя и эфиоп, но душа у него была русская. Даже когда он махал метлой из стороны в сторону, ощущалось это как русский народный танец. А сказки, что он по вечерам рассказывал детишкам, соглашусь, были эфиопские. И вся эта русскость, что ли, из него била фонтаном, что любой принимал его за своего, родимого... Вот и сегодня.

Ближе к вечеру к школе подъехал чёрный мерседес, как будто только из автомойки. Из него вылез господин лет сорока в дорогом костюме и закурил сигариллу. Лицо его было вытянутое, нос длинный и крючком, лицом он немного напоминал крысу; запомнить это очень легко, потому что фамилия его была Крысин. Имя его почти никто не знал, даже я не смогу вам его сказать, поэтому к нему все обращались просто по фамилии. Этот человек был очень серьёзным, потому-то и ездил на мерседесе, но чем именно он занимается, окружающие сказать затруднялись. Одни говорили, что видят его регулярно у Дома Правительства в окружении женщин. Прочие утверждали, что этого человека не существует, и он всего-навсего является одним из второстепенных персонажей повести «Буква-брюква». Истина была где-то между.

Крысин издавдала увидел Нахимыча во дворе школы, когда тот заканчивал подметать и собирался было отправиться на автобусе домой. Человек в костюме бросил окурок на землю, затушил его туфлей и ступил на территорию школы. Неспешно направился к дворнику, поправляя по пути галстук.

— Нахим Александрович, — вдруг обратился он.

Дворник обернулся. Метла выпала из рук и издала характерный стучащий звук падающей на асфальт метлы. Взгляд его стал немного испуганный.

— Нахим Александрович, — снова окликнул Крысин дворника, — вы помните меня?

Лицо у Крысина было недовольное. Это почти наверняка означало, что ему снова что-то нужно от Нахимыча.

— Так точно, — по-военному ответил Нахимыч, пряча руки в карманы пальто.

— Нахим Саныч, мы знакомы много лет, и... — Крысин огляделся, чтобы убедиться, что никто не подслушивает. — Понимаете, в чём дело... Мне вновь нужна ваша помощь.

— Что-то по долговым обязательствам? — нахмурился Нахимыч.

— Ну, почти... Помните, вы помогали года два назад сопровождать одну сделку, вроде, по металлопрокату? Мы с вами ещё встречались на улице Советской.

— Было дело. Снова тот мудень денег зажал?

— Если бы только это... С этим Григорьичем я и сам бы разобрался... Но есть там ещё бумажная работа, как раз по вашей части, — Крысин перешёл на шёпот, — понимаете, о чём я говорю?

— Сколько? — Нахимыч деловито сложил руки на груди.

— Пять.

Дворник выдержал небольшую паузу, как будто выполняя расчёты в голове. Затем сказал:

— Семь и по рукам.

Крысин задумчиво посмотрел на голые деревья. Вытащил правую руку из кармана и протянул Нахимычу.

— Идёт.

Они пожали друг другу руки. Крысин, озираясь по сторонам, вернулся в машину. Когда он уезжал, сквозь тонированное стекло мелькала крысиная улыбка.

Нахимыч не спеша пошёл в свою покосившуюся деревянную бытовку, где оставил метлу, забрал свой чемоданчик, надел шляпу и отправился в сторону автобусной остановки. Было уже почти темно.

На следующее утро Марья Ивановна начала урок с объявления.

— Дорогие дети. Сегодня урока не будет. Наш дворник, Нахим Александрович, вы прекрасно его знаете, золотой души человек... Не сможет сегодня выйти на смену по личным обстоятельствам.

Дети в классе начали перешёптываться.

— Не волнуйтесь, с ним всё хорошо, он жив и здоровствует, просто его не будет сегодня. А завтра он обязательно вернётся.

Дети перестали перешёптываться. Вместо этого они стали перекрикиваться. Потом замолчали и образовался вакуум в виде тишины.

— В этой связи, раз уж сегодня некому убираться на территории школы, а листьев напало предостаточно, директриса поручила нашему классу посвятить день уборке территории.

Обрадовался этому только Давид, потому что уже был приучен к труду. Все остальные ребята в классе недовольно загудели, мол, что не хотят убираться, а хотят учить буквы и цифры. Кто-то стал биться головой о стол и плакать. Кто-то выпрыгнул из окна и не разбился насмерть только благодаря вязкой куче слов Марьи Ивановны, которая смягчила падение.

— Я понимаю ваше беспокойство, — успокаивала класс Марья Ивановна, — но это вынужденная мера. Тем более это всего лишь на один день, — учительница показала «один день», вытянув вверх свой указательный палец, и стало видно, насколько же он длинный.

Давид знал, что один день мог растянуться на миллион лет, но при том миллион лет возможно сжать к одному дню, если этого очень захотеть. Можно, если хочешь, изменить восприятие времени с линейного на нелинейное. Можно из евклидова пространства начать жить в неевклидовом и добираться из дома до школы в два раза быстрее. Можно воспоминания сделать реальностью, а реальность — давними воспоминаниями о прошлом, или предположениями о будущем. То есть, в принципе, можно сделать всё что угодно, и убирать листья на территории любое количество времени и в любой временной период, хоть до образования вселенной. Такова сила художественного текста. Но Давид предпочёл убирать листья только один день (сразу вспоминается этот жутковатый палец!), сегодня, как и предложила учительница.

Давид, Дима, Лиза и Аня были единственными в классе, кто нормально отреагировал на новость. Давид — позитивно, потому что полюбил труд, а Дима, Лиза и Аня — нейтрально, потому что пока неизвестно, понравится им это или нет. Всех прочих безликих одноклассников поглотило невероятно глубокое помутнение рассудка, искреннее безумие, нечеловечность. А всего-то лишь из-за того, что их хотят приучить к труду в связи с временной покинутостью дворника Нахимыча, который оказался не так прост, как казалось мне в начале.

Дальше всё происходило очень сумбурно: главные герои, один не намного лучше другого, подметали листья и собирали их в небольшие кучки. То же делал и Нахимыч, но, может быть, чуть с большей уверенностью, так сказать, искрил опытом. Стоп. Какой ещё Нахимыч. Его же нет сейчас по сюжету на территории школы... Ах, точно! Полигенезис! Это ведь вскользь объяснялось немного ранее. Затем листья загребали в большие чёрные мусорные мешки, там их кто-то трамбовал, мешок завязывали и относили на ближайшую помойку. И так происходило и далее, хотя листьев, по ощущениям, не особо убавлялось. Само происходящее было очень

нечётко, неконкретно, и участники его почти растворялись друг в друге, почти что как сахар в молоке. Первая это заметила Аня.

— Друзья, — сказала она, подметая жёлтые листья к бордюру, — а помните ли вы, что было вчера вечером?

— Разумеется, — отвечала кровожадная Лиза, отрезая голову пойманной белке перочинным ножом. — Мы ведь вчера пошли в «Белый огонёк», а потом...

— Да, я вот тоже помню, что мы явно туда пошли, и там оказалось закрыто, — продолжила Аня, — но вот я никак не могу вспомнить, что было сразу после этого...

— Сразу после этого, — подхватывал Дима, весело подметая, — мы со всеми вами пошли к... Мы ведь были у Лизы в гостях?

— У мефя? — удивлённо посмотрела на него Лиза, пережёвывая беличью голову. — А пофему тофда я этофо не пофню?

— Разумеется, у тебя, — улыбался Дима, — Давид, подтверди, мы ведь все пошли к ней?

— Пошли-то, может, и пошли... — задумчиво остановился Давид, оперевшись подбородком о метлу. — Но вот дошли ли?

— Это интересно, — сказала Аня, — у меня такое чувство, будто мы с вами, ребята, действительно куда-то пошли, а потом всё как в тумане... Это из-за того, что мы много бухаем детское пиво, оно нас разносит, и мы впадаем в коматознейшее состояние. Бухать надо меньше, друзья. Или больше янтарной кислоты употреблять, если уж повелось выпить.

Им четверым показалось, что они оказались во вселенной совсем одни. Но через минуту туман рассеялся, снова появилась школа, листья, дворник Нахимыч и безликие одноклассники. Всё встало на свои места, и Аню осенило.

— Ну да! — вдруг вскрикнула она, подняв указательный палец к небу. — Конечно, мы пошли к Лизе, там изрядно напились детского пива, первым уснул именно Давид, а все были бодрые с утра от того, что Лиза предложила всем по таблетке янтарной кислоты. Но именно от неё-то у нас и отшибло память. Всё складывается!

Ребята безучастно согласились с ней, вяло похлопали в ладоши и продолжили работать как ни в чём не бывало. Приближалось время обеда.

Обычно в столовой на обед давали числа (первое, второе, третье), изготовленные из съедобных продуктов питания, таких как крупы, пюре, мясо, печень и тому подобное. Форму чисел же еще придавали специальными алюминиевыми формами. Так вот, вчера эти формы совершенно случайно погнулись, и еду в столовой пришлось накладывать просто так, не в форме чисел, а потому началась полная неразбериха: ни повара, ни школьники, ни учителя никак не могли разобраться, что им дали первое, что второе, а что — третье. Образовалась давка, из-за которой класс Давида, вернувшийся после уборки территории, не мог протиснуться в помещение столовой. Чтобы ученики не умерли с голода, учительница предложила забраться на крышу школы и ловить там голубей, а затем их есть в сыром виде. Затея всем понравилась, и они пошли.

На крыше было очень свежо и совсем не холодно. Свежий ветер даже бодрил после тяжёлой работы. А ещё отсюда открывался очень красивый вид: было видно все здания в округе с высоты птичьего полёта (подразумевается, что птица летает на высоте третьего-четвёртого этажа, школа была не очень высокая).

— Comme c'est merveilleux ici ! — вдруг сказала Марья Ивановна, вдыхая свежий воздух. — On dirait que les pigeons sont contents de nous voir, eux aussi.

— Marie Ivanovna, vous parlez donc aussi français ? — справедливо поинтересовался Давид.

— Bien sûr que je parle français, David, tout comme beaucoup d'enseignants. Nous le cachons simplement longtemps à tout le monde, jusqu'au moment où une ambiance romantique s'installe...

Настроение действительно было романтическим. Голуби почти спали, что подразумевало, что ловить их будет легко и просто — справится и первоклассник.

— Tu sais, David... Il y a quelque chose que je voudrais te confier.

— Quoi donc, Marie Ivanovna ? — он посмотрел на неё, нахмутив брови.

— En réalité, tu es un élève très doué, — улыбнулась она. — Pour un élève de première année, tu es extrêmement raisonnable, très raffiné, tu mérites des éloges... Cela m'amène naturellement à une question : as-tu déjà attrapé un pigeon dans ta vie ?

— Non, Marie Ivanovna, jamais.

— Alors regarde bien et essaie de reproduire aussi précisément que possible.

Она села на корточки и стала медленно подбираться к одному из дремавших голубей. Делала она это на удивление тихо, все движения были просчитаны, чувствовалось знание дела. Когда она приблизилась к спящей птице на расстояние метра, она вдруг сделала резкий выпад вперёд, выбросив руки в сторону голубя, и чрезвычайно сильно схватила его за грудку; затем, пока голубь не успел ничего сообразить, одним движением откусила ему голову и начала тщательно жевать. Рот её был заляпан бордовой кровью.

— Дети, — снова по-русски заговорила она, раскусывая хрящи во рту, — вы всё поняли, что нужно делать?

— Да, Марья Ивановна! — хором ответили дети и принялись пытаться поймать себе обед, хотя, разумеется, не так умело, как это получилось у учительницы. На то она и учительница. Педагог.

У Давида тоже получилось поймать одного маленького голубя, но прокусить ему шею у него не вышло: выяснилось, что слишком было жалко птицу. Хотя изначально был какой-то юношеский задор. Но всё вмиг поменялось, когда голубь оказался так близко. Поэтому он немного подержал голубя в руке, поглядел в его жалобные глаза и отпустил на волю. Секунд через пять этого же голубя сожрал Дима, накинувшись на него откуда-то сзади. Ему удалось проглотить голубя целиком, не откусывая от него никаких частей тела, потому что у Димы была удивительно широкая шея. Давид смотрел на всё происходящее с нескрываемым безразличием.

Когда-нибудь к человеку приходит понимание процессов, окружающих его регулярно. Процессов общественных и физических, разных. К Давиду это понимание пришло в первом классе, потому что он особенный, а его одноклассникам не придёт никогда, потому что они невзрачные. Это даже не художественная задумка, а всего-навсего правда жизни: личности исключительные намного более понимают, чем неисклительные, посредственные; но вот пользуются ли они этим пониманием в своей повседневности — большой вопрос с чрезвычайно многолучевой звёздочкой. Я даже обратил внимание, что люди неисклительные и в жизни, и в этой книге как будто используют своё непонимание процессов в пользу, и это ли не прекрасно? Не это ли можно назвать межчеловеческим равновесием, к которому настойчиво стремится общество, но которого мы давно достигли?

Вот, например, все жрут голубей, а Давид не жрёт, потому что исключительный, потому что таким свойством его наделил автор. Но что это значит для Давида? Что он останется голодный, а все остальные поедят, всем остальным будет хорошо от чувства насыщения в желудке, все ощутят этот особенный сыроглубиный вкус, а Давид — нет. Зато он будет, мол, «исключительный». Но голодный. Вот и думайте, кому что больше нравится.

— Автор, — запротестовал Давид, — не ты ли наделил меня этой исключительностью, а также стереотипными еврейскими чертами (что символично, потому что можно провести параллели с «богоизбранностью» еврейского народа, так как для литературного персонажа автор фактически является богом и т.п.)? Я, может, совсем не хотел бы быть таким сердобольным чистоплюем, каким ты меня рисуешь, и с удовольствием бы съел голубя, как и подобает первокласснику.

— Ты этого не будешь делать, — ответил автор, — потому что тогда ты будешь не таким интересным персонажем, а сольёшься с окружающими, став, таким образом, второстепенным,

как Нахимыч, или как Аня с незапоминающейся фамилией. Тебя должно что-то от них отделять. Ладно национальность и внешность — это просто символы, ярлыки. Должно быть и характерное поведение.

Давид понял, что спорить, в общем-то, бесполезно, и прекратил спорить, как и подобает литературному герою в сложившихся обстоятельствах.

Во втором классе (вот так мы внезапно перескочили!) Давиду выдали в школьной библиотеке учебник. Это была красивая голубая книжка в седьмом переплёте с белым тканевым корешком; на обложке некий мальчик, чем-то напоминающий самого Давида, пытался схватить белых голубей, вероятно, чтобы скушать их, а слева от него сидела девочка в красивой школьной форме со значком октябрёнка на груди, которая подкармливала голубей семечками, как бы приманивая их поближе к себе в известных целях. Позади нарисованных школьников открывался индустриальный пейзаж из многоэтажек, линий электропередач и даже Кремля, что говорило о том, что школьники как бы находятся сверху, на крыше здания, и оттуда им открывается этот замечательный вид. Рядом с левой ногой мальчика желтела цифра «два», а под всей этой композицией располагалась надпись: «Книга для чтения». Когда Давид впервые взял эту книгу в руки, первое, о чём он подумал, было то, что название очень странное. Ему до этого казалось, что *вообще все* книги предназначены для чтения, и довольно глупо акцентировать внимание на том, что *эта* книга в частности. Почему тогда в названии не упомянули, что она содержит буквы, которые складываются в слова? Или что она изготовлена из бумажных листов и тканево-картонной обложки? Все эти мысли он смог выразить в одной ёмкой фразе:

— Книга для чтения? А остальные тогда для чего, чтобы ими жопу вытирали?

— Давид, как некультурно! — взъелась библиотечка Анастасия Павловна.

— Извините, Анастасия Павловна, просто я действительно нахожу название этой книги несколько странным... — Давид вертел книжку в руках, пролистывал страницы, всматривался в написанную мелким шрифтом аннотацию. — Извините, что высказался несколько бестактно.

— Не забывай, Давид, ты всё-таки в храме науки. А в чужой монастырь (школу) со своим уставом (слово «жопа») не ходят (не говорят такие слова). И ещё: школа — твой второй дом.

Давид посмотрел на неё как-то искоса, с недоверием.

— Если мой второй дом — храм и монастырь, то боюсь представить, где же первый.

Открыв оглавление, он не нашёл ни одной интересной для себя книги. Все произведения хрестоматии (вот, точно! её следовало назвать «Хрестоматия») были однообразными, сюжеты в них были предсказуемыми, литературный язык посредственный.

— Ну что это за безобразие? — жаловался библиотечка Давид. — Неужели мне это читать целый год?

— Хочешь, не читай, — усмехнулась Анастасия Павловна, почесав затылок, — только будешь за это двойки получать.

— Да наша училка, безумная баба, мне и так их лепит без разбора! — Давид скрестил руки на груди и нахмурил брови.

— Ну прямо уж так без разбора?

— Да ни за что! Она меня просто недолюбливает...

Давид собрал остальные выданные ему учебники в целлофановый пакет из-под «Мариин-Ра» и грустно пошёл домой, пиная по дороге камушки. По дороге он увидел пару трясогузок. Эти маленькие птички пристально смотрели на него, а он на них. В какой-то момент их взгляды пересеклись, и вдруг он увидел, как эти самые птички с их маленькими... э-э... хвостиками? ...смотрят на него, и он уставился прямо на них. И тогда они наконец его увидели и улетели, словно воробы (это они и были). С тех пор Давид ни разу в жизни не видел ни одной трясогузки.

Лиза Смертянец и Аня Андросимова по доброй дружеской традиции копались в мусорке где-то недалеко от школы. Лиза искала трупы мышей (они подчёркивали её «бунтар-

скую натуру»), Аня же искала себе какую-нибудь одежду, которую выкинули местные богачи. Семья у Ани была довольно бедная, поэтому и приходилось искать тряпки в таком неприглядном месте, а вот у Лизы семья была вполне себе зажиточной; но её погубило дурное воспитание, а точнее — его отсутствие, что и привело её к маргинальному образу жизни, описанному отчасти выше (или левее и глубже, если вы читаете текст в печатной книге, или же просто левее, если вы, чудак, весь текст произведения заблаговременно вывели одной длинной строкой).

— Лиза, ты только посмотри, какое замечательное платье выкинули местные! — радостно сказала Аня, показывая подружке вещь.

— Действительно, — отвечала Лиза, засовывая в рот каких-то тараканов или мокриц, — я даже знаю, что это за платье. Это моей мамы платье. Она его выкинула, потому что оно вышло из моды позавчера...

— Ах, как запросто твоя мама относится к вещам! Вот если бы наша семья была хоть чуточку богаче... — Аня с удовольствием рассматривала блестящее бордовое платье, которое цветом своим напоминала винный напиток. — Лиза, а ты не можешь попросить свою маму, чтобы она вещи, которые собирается выкинуть на помойку, отдавала бы мне? Я бы их с удовольствием носила, а моя мама — тем более! Это бы сделала нашу семью оборванцев немного счастливее.

— Ну не знаю... Я спрошу, конечно, но она может понять это неправильно... Ей и так не очень нравится, что я общаюсь с «беднячкой».

— Ну разве наша семья виновата, что не везёт нам с деньгами?

— Нет, ну что ты! Иногда для счастья достаточно иметь цветочную поляну вместо ковра, сосны вместо стен и голубое небо в качестве крыши. Я очень хорошо отношусь и к тебе, и к твоей семье. Я бы никогда не... О, крыса!!!

Лиза вдруг вскочила с места и побежала за какой-то крысой, которая только что выпрыгнула из мусорного бака. Она легко её догнала и целиком сунула в рот. Аня поморщилась:

— Фу-у... Как ты это можешь есть?

Лиза в ответ только рассмеялась с набитым ртом:

— Моя мама бы, в свою очередь, задала бы тебе похожий вопрос: как ты можешь это носить?

Ане тоже стало смешно. Хотя девочки были и из разных слоёв общества (из разных каст, если вам угодно или вы индеец), обе обладали невероятно наивным и по-детски добрым взглядом на окружающий мир, и, наверно, именно это их и объединяло — эдакая душевная простота (и Материя, разумеется). Хотя, конечно, был нюанс: Аня не знала о том, что Лиза занимается регулярными ритуальными убийствами, ведь если бы она об этом узнала, то наверняка испугалась бы дружить с Лизой, а ведь у неё и так было очень мало друзей. Очень скрытная была девочка Лиза Смертянец. Хотя и училась неплохо, стерва.

Давид и Дмитрий сидели на крыше школы и курили, попивая детское пиво из банок. Стояла замечательная погода, скучные уроки давно были позади, и наступило время отдыха от забот второклассника.

— Дима, — начал Давид, — вот ты как считаешь: почему когда Марья Ивановна, наш классный руководитель, говорит какие-нибудь слова, то из них образуется липкий комок?

— Я думаю, что потому что речи её гнусные. А ты?

— Я тоже так считаю, — отхлебнул Давид из баночки, затем потряс, убедился, что пустая, смял и выкинул, — но тогда закрадывается разумный вопрос: все ли люди в рамках существующей литературной вселенной «выплёвывают» слова, если они имеют в себе гнусное содержание?

— Можно попробовать.

Дмитрий поставил недопитую банку рядом с собой, выкинул окурок и начал вслух перечислять самые отборные ругательства, какие только знал к своему возрасту. Через минуту он

обнаружил на ощупь перед собой маленький невидимый комок, обладающий липкой консистенцией.

— Оригинально! — ухмыльнулся Давид. — Но по закону сохранения энергии, если следовать ему, то выходит, что материализуются не только гнусные речи, но и добрые. В таком случае, куда они деваются?

Дмитрий почесал затылок. Они немного посидели в тишине, а затем Дима вдруг (ну почему всё обязательно должно происходить «вдруг»? почему события не могут развиваться последовательно, вытекать друг из друга, чтобы они смотрелись органично и чтобы в них усматривалось некое разумное зерно? ну что это такое — «вдруг»? читатель такому не поверит, не переживёт, не ощутит, потому что ну не бывает никакого «вдруг»! если ты хоть сколько-нибудь заботишься о тексте, нельзя такой примитивной конструкцией передавать события, которые читатель должен найти неожиданными и удивиться им. потому что он не удивится. он, в лучшем случае, зевнёт, потому что видел это «вдруг» тысячи и тысячи раз прежде, и в очередное осточертелое «вдруг» он, читая, не вложит ни толики того смысла, который пытался в него вложить неумелый рассказчик) вскочил и куда-то побежал. Через пять минут вернулся с самым обыкновенным целлофановым пакетом из-под «Марии-Ра».

— Я всё понял, — сказал запыхавшийся Дима, — раз уж нехорошие слова тяжелее воздуха, они опускаются на землю; а слова добрые, лёгкие, воздушные — улетают вверх.

Дима продемонстрировал, как работает его гипотеза на практике. Он подставил пакет к своему рту и начал рассказывать чудесные комплименты, замечательные, добрые, искренние слова радости и счастья, и Давид увидел, как пакет начал надуваться, словно воздушный шар. Потом Дима показал, что внутри пакета остался как бы конденсат, сгустки добрых слов, и они источали приятный цветочный аромат.

Когда Дима с Давидом всё поняли о природе этого мира, они успокоились и продолжили пить детское пиво и наслаждаться видом неба.

Нам всегда твердили,
Что нету Буквы-брюквы.
А по сюжету она есть
Под номером тридцать четыре
После буквы «Б».
Хотя об этом знают
Только Давид и автор,
Возможно, ещё кто-то
В дальнейшем. А пока
Двое — Давид и Дима —
Детское пьют пиво
И смотрят облака.

Замечание №2. Дайте нам денег побольше

Юридическая контора, в которую в недалёком будущем устроится работать Дима после переезда в Сургут, называлась «Дайте нам денег побольше», или же сокращённо «Сургутское ДНДП» (возможно, пародия или аналогия или оммаж на недавно расформированное «Московское АГП»¹). В тексте об этом нигде явно не говорится, но вот, чтоб вы знали. Оказывается, одно из ведущих предприятий города. Но так было не всегда. Раньше в Сургуте не было ни одного предприятия, потому что был лишь пустырь. Вообще, само слово «Сургут» (от англий-

¹ Да, 206-го дня рождения — не будет!

ского «sure good», т.е. «разумеется хороший») так и переводится — «пустырь». На этот перевод наталкивает, с моей точки зрения, хотя бы совпадение по количеству слогов.

Кстати, о той самой автобусной остановке, которая стоит перед зданием с огромной надписью «ОФИСЫ» в Сургуте. На самом деле, это была не совсем остановка; раньше на этом месте лежала самая обыкновенная картонная коробка от холодильника. По всей видимости, кто-то из жителей пустыря купил себе новый холодильник, а коробку забыл на улице. Так вот, шло время, а следует заметить, что в то время в Сургуте часто шли дожди. Под воздействием дождевой воды коробка медленно, но верно набухала, становясь всё крупнее и крупнее, пока не приобрела размеры автобусной остановки.

Какой-то шутник установил рядом с разбухшей коробкой знак автобусной остановки. Водители троллейбусов не сразу поняли прикола, а потому начали действительно делать рядом с ней остановки (то бишь останавливаться, а не возводить собственными руками ещё больше остановок рядом с существующей, хотя так написать было бы очень в духе автора). Пассажирам тоже пришёлся новый остановочный пункт по душе. Оставалось дело за малым — власти города утвердили стихийную остановку как официальную. Разбухшую мокрую коробку на бюджетные деньги покрыли скотчем (для прочности) и покрасили коричневой краской (для красоты).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.